

Вальтер Скотт
—
Квентин Дорвард

Москва
2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С44

Walter Scott
QUENTIN DURWARD

Перевод с английского *М. Шишмаревой*

Художественное оформление серии *Степана Костецкого*

Скотт, Вальтер.
С44 Квентин Дорвард / Вальтер Скотт ; [перевод с английского М. Шишмаревой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 608 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-118643-2

Франция, XV век. У власти Людовик XI — эгоистичный, честолюбивый и глумливый человек, высмеивающий феодализм и дух рыцарства. Несмотря на подобие чести и нравственности, а может, и благодаря им, Людовик XI ведет тонкую политическую игру, плетет интриги благодаря природной пронизательности и стойкости характера. Именно они помогают ему улавливать настроения в стране и защищать интересы государства. Он борется с европейскими правителями за процветание Франции.

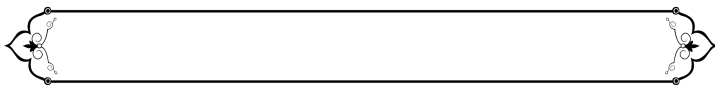
Квентин Дорвард — молодой шотландский дворянин — недалеко от замка встречает некоего горожанина. Некоторые обстоятельства приводят Квентина в замок, и каково же было его удивление, когда он узнал в Людовике XV своего недавнего знакомого. Он оказывается на службе в личной гвардии короля и в центре интриги, не только государственной, но и романтической.

Роман впервые опубликован в 1823 г., это классический роман с классической структурой и героями — это мир идеальной любви, ненависти, чести и безысходности. Он был в почете и у таких классиков мировой литературы, как О. де Бальзак, А.С. Пушкин, М. Твен и Лев Толстой.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-118643-2

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава I

КОНТРАСТ

Вот два изображенья: вот и вот,
На этих двух портретах — лица братьев.

«Гамлет»¹

Вторая половина пятнадцатого столетия подготовила ряд событий, в итоге которых Франция достигла грозного могущества, с той поры не раз служившего предметом зависти для остальных европейских держав. До этой эпохи она была вынуждена отстаивать свое существование в борьбе с Англией, владевшей в то время лучшими ее провинциями, и только благодаря постоянным усилиям ее короля и беззаветной отваге народа ей удалось избежать окончательного подчинения иноземному игу. Но ей угрожала не только эта опасность. Ее могущественные вассалы, в особенности герцоги Бургундский и Бретонский, стали так пренебрежительно относиться к своим обязанностям феодалов, что при малейшем поводе готовы были восстать против своего государя и сюзерена — французского короля. В мирное время они самовластно управляли своими провинциями, при этом Бургундский дом, владевший цветущей Бургундской провинцией и лучшей, богатейшей частью Фландрии, был сам по себе настолько богат и силен, что ни в могуществе, ни в великолепии не уступал французскому двору.

¹ Перевод Б. Пастернака.

Следуя примеру главнейших вассалов, каждый мелкий ленник старался отстоять свою независимость, насколько это ему позволяли расстояние от королевского двора, размеры его владений и неприступность его замков и укреплений. Все эти мелкие деспоты, не считаясь с законом и пользуясь своей безнаказанностью, зверски угнетали своих подданных и расправлялись с ними с чудовищной жестокостью. В одной Оверни насчитывалось в то время более трехсот таких независимых дворян, для которых кровосмешение, грабеж и насилие были самым обычным делом.

Кроме всех этих бед, другой, не менее страшный бич — последствия многолетних войн между Францией и Англией — терзал эту несчастную страну. Многочисленные выходцы из соседних государств, собираясь в вооруженные шайки под предводительством избранных ими смелых и ловких искателей приключений, наводняли Францию. Это продажное воинство предлагало на любой срок свои услуги тому, кто больше за них заплатит; а в тех случаях, когда на них не было спроса, воевало за собственный страх и риск, захватывая замки и крепости, которые использовались как убежища, забирая в плен людей, чтобы получать за них огромные выкупы, облагая данью беззащитные селения и прилегавшие к ним земли; словом, своим поведением они вполне оправдывали данные им прозвища *tondeurs* и *écorceurs*, то есть обирал и живодеров.

Наряду со всеми ужасами и несчастьями, вызванными бедственным положением государства, среди мелкопоместных дворян царили безумное мотовство и роскошь, которыми они щеголяли в подражание крупным феодалам, выжимая последние соки из обнищавшего, разоренного народа.

Отношение к женщине носило романтический, рыцарский характер, часто переходивший, однако, в полную разнузданность. Язык странствующего рыцарства еще не совсем вышел из употребления, внешние его приемы и формы еще сохранились, но чувство благородной, возвышенной любви и порожденная ею рыцарская доблесть почти исчезли и не скрашивали больше вычурности его оборотов.

Поединки и турниры, празднества и пиры, которые устраивались каждым, даже самым маленьким, феодальным двором, привлекали толпы искателей приключений во Францию, представлявшую такое широкое поле для безрассудной отваги и предприимчивости, не находивших применения в более счастливом отечестве всех этих авантюристов.

В ту эпоху, как будто для того, чтобы спасти прекрасную Францию от грозивших ей со всех сторон бед, на шаткий престол ее взошел Людовик XI, который, несмотря на свои отталкивающие личные качества, сумел понять и до некоторой степени пресечь и парализовать зло своего времени. Так иные яды, как говорится в старинных медицинских книгах, могут обезвреживать друг друга.

Достаточно смелый, когда этого требовала выгода или политическая цель, Людовик не был романтичен по природе: в нем не было и искры той благородной рыцарской отваги, которая не столько гонится за пользой и успехом, сколько за славой и честью. Расчетливый и хитрый, он прежде всего ставил свои личные интересы и умел ради них жертвовать не только своей гордостью, но и своими страстями. Он тщательно скрывал истинные мысли, намерения и чувства даже от своих приближенных и нередко говаривал: «Кто не умеет притворяться — тот не умеет и царствовать; что

касается меня, то, узнай я, что моя шапка проведала мои тайны, я в ту же минуту бросил бы ее в огонь». Никто — ни до него, ни после — не умел лучше подмечать слабости ближних и пользоваться ими для своих выгод, в то же время ловко скрывая от всех собственные недостатки и слабости.

Людовик был по природе мстителен и жесток до такой степени, что бесчисленные казни, совершавшиеся по его приказанию, доставляли ему истинное удовольствие. Он не знал ни милосердия, ни пощады в тех случаях, когда мог действовать безнаказанно; но вместе с тем никакая жажда мести не могла толкнуть его на безрассудный, необдуманный поступок. Он бросался на свою жертву только тогда, когда она была в полной его власти и не могла от него ускользнуть; и действовал всегда так осторожно, ловко и скрытно, что смысл его тайных происков становился понятен окружающим лишь после того, как он добивался своей цели.

Прирожденная скупость Людовика не мешала ему, однако, быть щедрым до расточительности, когда дело шло о том, чтобы подкупить какого-нибудь фаворита или министра враждебного ему государя и этим предотвратить грозившее ему нападение или разрушить подготовляемый против него союз. Он любил чувственные наслаждения и всякие развлечения, но даже самые сильные его страсти — женщины и охота — не могли отвлечь его от строгого исполнения взятых им на себя обязанностей — от управления государством. Он был тонким знатоком человеческой природы, потому что никогда не чуждался частной жизни людей, к какому бы слою общества они ни принадлежали. И хотя он был высокомерен и заносчив, однако не признавал произвольного деления общества на высших и низших, чем вызывал глубокое

возмущение знати, и не колеблясь доверял самые высокие посты людям, которых выбирал из самых низших слоев общества; правда, людей он умел выбирать и редко ошибался.

Но цельные характеры — большая редкость, и в этом хитром и одаренном государе уживались странные противоречия. Несмотря на все свое лицемерие и лукавство, Людовик иногда слишком слепо и опрометчиво полагался на прямодушие и честность других. Подобные промахи имели, по-видимому, своим источником слишком тонкую игру, побуждавшую его иногда прикидываться и надевать личину неограниченного доверия к тем, кого он хотел обмануть; обычно же он бывал так недоверчив и подозрителен, как ни один из властителей того времени.

Чтобы дополнить наш беглый набросок, укажем еще на две характерные черты этого страшного человека, сумевшего то ловкой политикой, то вовремя брошенной подачкой, то, наконец, жестокостью и крутыми мерами выдвинуться среди воинственных, суровых государей того времени и занять среди них место укротителя диких зверей, которые разорвали бы его на куски, если бы он не подчинил их своей власти.

Первая из характерных черт Людовика — это крайнее суеверие, бич, при помощи которого провидение часто терзает людей, отказывающихся исполнять повеления религии. Людовик никогда не пытался успокоить преступную совесть, изменив хоть на волос свою макиавеллистскую политику, но тщетно старался заглушить муки раскаяния исполнением суеверных обрядов, строгим покаянием и щедрыми дарами, расточаемыми духовенству. Второй его чертой, которая, как ни странно, часто бывает неразлучна с первой, была страсть к низменным удовольствиям и тайному разгулу. Самый умный или, во всяком случае, самый хитрый

из современных ему монархов, Людовик любил низменные наслаждения. Сам человек в высшей степени остроумный, он очень ценил находчивость и остроумие в своих собеседниках, что как будто плохо вяжется с его характером. Несмотря на крайнюю недоверчивость, он с удивительным легкомыслием пускался во всевозможные сомнительные похождения и любовные интриги. Страсть его к подобным развлечениям была так велика, что дала пищу для бесчисленных игривых и скандальных анекдотов, собранных и изданных отдельной книжкой, которая хорошо знакома библиофилам, в чьих глазах (ведь другие таких книг не читают) первое издание является наиболее ценным.

Итак, при посредстве этого осторожного и ловкого, но очень непривлекательного государя провидению угодно было возратить великой французской нации те блага государственного порядка, которые она почти утратила ко времени вступления Людовика на престол. Так часто провидение заставляет служить на пользу людям не только теплый летний дождик, но и грозную, разрушительную бурю.

До своего вступления на престол Людовик успел обнаружить больше пороков, чем достоинств. Первая его жена, Маргарита Шотландская, пала жертвой клеветы придворных своего супруга; однако, если бы сам Людовик этого не поощрял, никто не осмелился бы сказать ни единого слова против доброй и несчастной государыни. Людовик был также неблагодарным и непокорным сыном: сначала он затеял тайный заговор против отца, а потом поднял против него открытое восстание. За первое из этих преступлений он был удален в собственное свое владение Дофинэ, где впервые показал себя искусным правителем, за второе — был окончательно изгнан за пределы государства и принужден чуть

не из милости просить убежища у герцога Бургундского и его сына; он пользовался их гостеприимством до самой смерти отца, скончавшегося в 1461 году, и оплатил им впоследствии черной неблагодарностью.

В самом начале своего царствования он едва не был свергнут с престола лигой, заключенной против него сильнейшими вассалами Франции, во главе которых стоял герцог Бургундский, или, вернее, сын его — граф де Шаролэ. Предводители этой лиги собрали многочисленное войско, осадили Париж и под стенами столицы дали решительное сражение, исход которого чуть не погубил французскую монархию. Но, как это обыкновенно бывает, более ловкий из противников сумел присвоить себе если не славу и честь, то все выгоды, какие можно было извлечь из этого спорного сражения. Людовик, показавший редкую личную храбрость в битве при Монлери, сумел так ловко повернуть дело, что смело мог считать эту спорную битву своей победой. Он выждал время и, когда лига сложила оружие, стал так искусно сеять раздор между ее предводителями, называвшими себя Лигой всеобщего блага (хотя настоящей их целью было ниспровержение французской монархии), что лига распалась и никогда больше не возникала в прежних угрожающих размерах. С той поры Людовик, которому Англия не была больше страшна, потому что в ней самой шли в то время междоусобные войны между домами Йоркским и Ланкастерским, занялся оздоровлением своего государства: он, как искусный, но безжалостный врач, то уговорами, то огнем и мечом многие годы старался остановить распространение смертельной болезни, разъедавшей и подтачивавшей политический организм Франции. Он стремился положить предел разбою вольных вооруженных шаек и незаконному своеволию дворян, и мало-помалу благодаря выдержке и настойчивости ему удалось укре-

пить королевскую власть и если не подавить совсем, то значительно ослабить своих могущественных вассалов.

Тем не менее французский король со всех сторон был окружен опасностями. Правда, членов Лиги всеобщего блага разъединяли раздоры, но она еще существовала и, как недобитая змея, могла ожить и сделаться по-прежнему опасной. Но наибольшая опасность грозила ему со стороны герцога Бургундского, одного из могущественнейших европейских государей, возраставшую силу и значение которого ничуть не умаляла его формальная зависимость от короля Франции.

Карл, прозванный Смелым (вернее было бы назвать его отчаянным, так как храбрость у него сочеталась с яростью и неистовством), владел в то время Бургундским герцогством и горел одним желанием: сменить свою герцогскую корону на независимый королевский венец. По характеру герцог Карл представлял полную противоположность Людовику XI.

Спокойный, рассудительный и хитрый, Людовик никогда не пускался в рискованные предприятия, но зато и не отступал перед раз намеченной целью, если достижение ее было возможно хотя бы в самом отдаленном будущем. Герцог же, наоборот, очертя голову бросался в самые опасные предприятия, потому что любил опасность и не признавал никаких препятствий. Людовик никогда не жертвовал выгодой даже ради своих страстей; Карл ради выгоды не поступался не только своими страстями, но даже малейшей прихотью. Несмотря на узы близкого родства, несмотря на услуги, оказанные герцогом и его отцом Людовику, когда он был еще дофином в изгнании, они презирали и ненавидели друг друга. Герцог Бургундский презирал осторожную политику короля, приписывая природной трусости Людовика его манеру добиваться своих целей хитрыми

подходами, подкупом и другими окольными путями, тогда как сам он всегда шел к своей цели с оружием в руках. Он ненавидел короля не только за его неблагодарность, за личные оскорбления и постоянную клевету, которой послы Людовика старались очернить Карла еще при жизни его отца, но больше всего за тайную помощь, которую Людовик оказывал недовольным гражданам Гента, Льежа и других больших городов Фландрии. Эти беспокойные города, крепко державшиеся своих привилегий и гордые богатством, часто открыто восставали против своих властителей, герцогов Бургундских, и всегда находили поддержку при дворе Людовика, который не упускал удобного случая посеять смуту во владениях своего могущественного вассала.

Людовик платил герцогу такой же ненавистью и презрением, но умел ловко скрывать свои чувства. Да и не мог такой глубоко проницательный человек, как Людовик, не презирать той упрямой настойчивости, с которой герцог стремился к достижению своих целей, как бы губительны ни были для него последствия его упорства, точно так же как не мог не презирать его слепой и безрассудной отваги, не признававшей ни опасностей, ни преград. Впрочем, король не столько презирал, сколько ненавидел Карла, и его злоба и ненависть становились тем сильнее, чем больший страх внушал ему этот опасный противник; Людовик хорошо понимал, что нападение бешеного быка, с которым он любил сравнивать герцога Бургундского, всегда опасно, хотя бы животное нападало с закрытыми глазами. Его страшили не только богатство и могущество Бургундии, не только многочисленность воинственного и дисциплинированного населения герцогских владений — сам герцог, по своим личным качествам, был для него опасным врагом. Храбрый до безрассудства,

щедрый до расточительности, окруживший себя и свой двор роскошью и блеском, Карл Смелый привлекал к себе самых отважных, самых пылких людей того времени, которых неудержимо влекло к нему в силу сходства их характеров; и Людовик не мог не понимать, на что способны такие храбрецы под предводительством бесстрашного, неукротимого вожака.

Было и еще одно обстоятельство, усилившее вражду Людовика к его могущественному вассалу: герцог оказал ему некогда услугу, за которую Людовик и не подумал с ним расплатиться; он чувствовал себя в долгу перед ним, и это заставляло его не только быть сдержанным с герцогом, но иногда даже сносить вспышки его необузданного гнева и дерзости, оскорбительные для его королевского достоинства, причем он не мог обращаться с ним иначе, как со своим «любезным кузеном Бургундским».

Около 1468 года взаимная ненависть двух великих государей достигла крайних пределов, вопреки заключенному ими между собой перемирию, правда, временному и очень непрочному. Начало нашего рассказа относится именно к этой эпохе. Быть может, читатель найдет, что главное действующее лицо этой повести слишком незначительно по своему общественному положению и что для его характеристики не стоило выяснять взаимоотношения таких высоких и могущественных особ; но мы позволим себе напомнить, что нередко страсти, ссоры, вражда или мирные отношения великих мира сего сильно отражаются на участи окружающих людей, и надеемся, что из последующих глав каждому станет ясно, как важно все сказанное в этой первой, вступительной главе для правильного понимания многих событий в жизни нашего героя.

Глава II

ПУТНИК

Я мир, как устрицу,
мечом своим открою.
*Лейтенант Пистоль*¹

В одно прелестное летнее утро, в тот час, когда солнце жжет еще не слишком сильно, а освеженный росой воздух наполнен благоуханием, молодой человек, державший путь с северо-востока, подошел к броду через небольшую речку, или, вернее, широкий ручей, впадающий в Шер, близ королевского замка Плесси-ле-Тур, многочисленные мрачные башни которого возвышались вдали над обступившим его густым лесом. В этой лесистой местности находился la noble chaise, или королевский охотничий парк, обнесенный оградой, называвшейся на средневековой латыни plexitium, от чего многие французские деревни получили название Плесси. В отличие от них замок и деревня, о которых здесь идет речь, назывались Плесси-ле-Тур, так как находились в двух милях к югу от большого красивого города Тура, столицы древней Турени, богатые равнины которой по праву назывались садом Франции.

На противоположном берегу ручья, к которому приближался путник, стояли два человека; издали казалось, что они поглощены серьезным разговором, но на самом деле они следили за каждым движением приближавшегося юноши, которого давно уже заметили, ибо находились на более высоком берегу.

Молодому путешественнику можно было дать не более девятнадцати-двадцати лет; его лицо и весь облик сра-

¹ Стихотворные переводы, кроме особо оговоренных, выполнены В. Ивановым.